В. А. ЗАПАДОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ «РАССУЖДЕНИЯ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ» Г. Р. ДЕРЖАВИНА

«Рассуждение о лирической поэзии» сам Державин издать полностью не успел. При жизни автора были напечатаны две первые части трактата и небольшие фрагменты из третьей. В таком виде «Рассуждение» печаталось в дореволюционных изданиях, в том числе академическом,[1] по которому недавно воспроизведено в сборнике избранной прозы Державина.[2] При этом отдельные отрывки и фрагменты двух неопубликованных частей текста трактата неоднократно использовались в работах ряда советских исследователей и некоторых публикациях.[3]

История создания «Рассуждения о лирической поэзии» подробно рассмотрена в предыдущем сборнике «XVIII век», там же впервые напечатана «Часть 3-я».[4]

Таким образом, более чем через 170 лет после смерти Г. Р. Державина в данном сборнике завершается публикация его итогового литературно-теоретического труда.

Предлагаемая публикация представляет собой воспроизведение последней редакции 4-й части «Продолжения о лирической поэзии» (хранится в РО ГПБ, ф. 247, № 5, с. 102—132; л. 133 — вставка на л. 132) в том виде, какой принял текст после работы над ним автора, но без приложения — таблицы «Меры горацианских стихов. . .», составленной Александром Котельницким.

Исключением является абзац, начинающийся на с. 304 словами «О которых о всех находится достаточное изъяснение у г-на Тредьяковского. . .» и кончающийся словами «. . .нежели беспрерывным парением и глубокими мыслями». Этот абзац печатается в первоначальной редакции потому, что, во-первых, отсутствует (несмотря на четырех- или пятикратную переделку) четко

---

[1] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 546—611. Дальнейшие ссылки на это издание в примечаниях к «Части 4-й» введены в текст с пометкой «Гр.», указанием тома и страницы.

[2] *Державин Г. Р.* Избранная проза. М., 1984.

[3] Имеются в виду работы Г. А. Гуковского, Л. И. Кулаковой, В. А. Западова, Г. П. Шторма, Г. Н. Ионина и др., а также издания: *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1981; *Западов В. А.* Русская литература последней четверти XVIII века: Хрестоматия. М., 1985.

[4] См.: *Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 229. В приложении (С. 246—280): *Державин Г. Р.* Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я.

определяемый окончательный текст, неясны его границы; во-вторых, переделывал данный абзац Державин по совету Евгения Болховитинова — Евгений же свои возражения фактически снял. Однако, поскольку при переделках Державин формулировал очень интересные, принципиально важные мысли, которых нет в других местах трактата, постольку последующие редакции фрагмента помещены в примечаниях. В других случаях варианты не публикуются.

Орфография и пунктуация публикуемого текста приближены к современным нормам. Подстрочные примечания, означенные звездочками (астерисками), принадлежат Державину, помеченные буквами — публикатору.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. Р. Державин

Продолжение о лирической поэзии

Часть 4-я

Вот все известные доныне произведения новейших времян лиры. Они если не чада истой природы, то не что иное суть, как подражательные отростки древних, с некоторыми только переменами в их составе и мере, от игры воображения, свойств и страстей поэтов происшедшие. Высокие и глубокомысленные, какого бы названия ни были, то же, что гимны и оды; пламенные и исступленные — дифирамбы; трогательные и умилительные — пеаны; приятные и забавные — схолии. По разнообразию их в выражениях и по оттенке в чувствах, как эстетики говорят,* суть бесчисленны, подобно на древах листьям, начав от многолиственного твердого дуба до нежно благоуханной розы и даже до жесткого и сухого иссопа. Между высокопарным Пиндаром и забавно рассудительным Горацием, шутливым Анакреоном и страстновлюбленною Сафою, мрачным Оссияном и тупоумным камчадалом бесконечная есть разность. Но при всем том новейшие словесники** разделяют оду на четыре главные статьи.

Французы:

I на духовную.
II — героическую.
III — философическую.
IV — общежительную.

Немцы:

I на размыслительную, или философическую.
II — на фантастическую (вообразительную) или описательную.

---

* Зюльцер и Гецель.
** ГГ. Батё, Зюльцер и Гецель.

III — чувственную, или чувства одни изъявляющую.
IV — смешанную, или те и другие свойства содержащую; но г-н Гецель к оным прибавляет и V-ю, так называемую амбеическую, или перекликную.

В *духовной* оде удивляется поэт премудрости создателя, в видимом им в сем великолепном мире чувствами, а в невидимом — духом веры усматриваемой; хвалит провидение, славословит благость и силу его; исповедует пред ним свое ничтожество и согрешение. — Все же таковые понятия изъявляет простым, чистым, сокрушенным сердцем или пламенным восторгом, даже иногда как бы во исступлении, из бренной плоти исторгаясь, воскрыляется душою в лик ангелов. Таковых множество гимнов и од в Ветхом завете, в Псалтире у Давида и у прочих пророков, а в христианстве у Дамаскина и у других церковных песнописцев. Заметить должно, что в первых господствует более чувственное воображение: там прыгают горы, как овны; реки вспять возвращаются; одевается бог светом, как ризою; ходит на крылех ветренних и тому подобное. Во вторых царствует духовное парение или отвлеченные непостижимые понятия таинств о воплощении сына божия. — Слово плоть бысть; сый триипостасное сияние отчее; по рождестве дева и по смерти жива и проч. Приведем здесь тому и другому примеры:

В чувственном.

1) Облак и мрак окрест его, правда и судьба исправление престола его. Огнь пред ним предыдет, и попалит окрест враги его. Осветит молния его вселенную, виде и подвижеся земля. Горы яко воск растаяша от лица господня, от лица господа всея земли.

Псал. 96.

2) Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мысльми утомлен!

Г. Ломон. Ода II. О величестве божием.

3) Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под тобой.

Часть 1-я. Ода Бог.

В отвлеченном.

1) Вонми небо, и возглаголю, яко слово отчее волею сниде на землю, преклонив небеса, и бысть человек да человека спасет, яко человеколюбец.

Дамаск. Глас 1-й. Песнь 2-я.

2) Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;

Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Г. Ломон. Ода 10-я.

3) Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал;
А вечность, прежде всех рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек,
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь в век!

Часть 1-я, Ода Бог.

В *героической* оде восхищенный лирик удивляется или сорадуется душевным и телесным качествам прославляемого им героя или героини или своего народа; одобряет и хвалит их заслуги, поощряя и впредь к добродетелям; превозносит великодушие, мужество и благость в действиях, смелость и благоразумие в предприятиях. Правилы сей оды те же самые, что и в богочтительной; но по не столь важному предмету наполняется она не столь высокими мыслями. Примечено сие и у других славных художников, как-то: у живописцев, музыкантов и каменосечцев, что при изображении ими божественных предметов возвышаются их таланты и даже сами себя превосходят. — У греков в героических песнях всех был блистательнее Пиндар. Он воспевал отличившихся на Олимпийских и других играх конским ристанием, бегом, борьбою и прочими ратоборными подвигами. — В Риме, подражая ему, Гораций воспевал Августа, у нас Ломоносов Петра и Елисавету, а Петров Екатерину II-ю, которые в кругу наших лириков, писавших похвальные оды, предстательствуют и поныне. — Вот примеры:

1) Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ твой.

Г. Ломон. Ода 2-я.

2) В тебе прекрасный дом создали
Душе великой небеса: . .

Его же Ода 7-я.

3) Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит;
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше,

Душа ея зефира тише
И зрак прекраснее рая.

Его же Ода 8-я.

4) Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам?
Твои он силы почитает
И власть подобну небесам.

Его же Ода 9-я.

5) Проснись злата, проснися лира!
Уж твой высоко Феб востек;
Уже восчувствован от мира
Прекрасный им рожденный век.
Взгляни, как в плод оделись лозы
И развернулись нежны розы,
Содейство Феба ощутя!
Как блещет нивы он златя!
Цветут, ухают* рощи злачны;
Шумят, журчат ключи прозрачны;
Не страшен Флоре вихрь, ни мгла, ни град;
Феб — вождь красот; Феб — сильный царь отрад;
Кто счастье смертных строит,
Того, о лира, петь достоит;
Греми его хвалы!

Ода г. Петрова кн. Потемкину. Часть 1.

6) Он сведеньем Улисс, геройством Ахиллес.

Его же Ода гр. Румянцеву. Часть 1.

7) О стоик посреди великолепий трона!
Которого душа со счастием равна!

Его же Ода гр. Орлову. Часть 1.

8) Так, — мужеству ль его дивиться? —
Он твердостью изгнал врагов;
Великодушию ль чудиться? —
Он местью их не пролия кровь!
Красе ль, щедроте ль поклоняться? —
Се пленны им благотворятся
Безмездно царствы и цари!
Иль обожать его смиренье? —
Он богу только в прославленье
Творил добро, смирял царств при.

Ода импер. Александру I-му
на возращение из армии. Часть V.

9) О росс! о добльственный народ!
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью твоих доброт. —
По мышцам — ты неутомимый;
По духу — ты непобедимый;
По сердцу — прост; по чувству — добр;
Ты в счастьи — тих; в несчастьи — бодр;
Царю — радушен, благороден,
В терпеньи — лишь себе подобен.

Часть V. Гимн на прогнание французов.

---

* льют запах.

10) Сражаясь веры со врагами
И небо поддержав плечами,
Дерзай! великий богом муж.

Часть II.
Ода на переход Альпийских гор.

Философическая ода должна быть содержания нравоучительного. — В ней плененный стихотворец красотою добродетели или пораженный гнусностию порока изъявляет благорасположение свое к первой и отвращение от другой. Вот примеры:

1) Проснись, о смертный человек!
И сделайся полезным свету;
Последуй истины совету;
В беспечности не трать свой век.
Летит не возвращаясь время;
Спеши пороков свергнуть бремя. —
Заутра смерть тебя ссечет.

Г. Петрова перевод с Томаса. Часть I.

2) В бедах утеха и отрада,
От злых защитник мне, отрада,
О сладость сердца моего!
Возлюбленная добродетель!
Душа моя тому свидетель,
Что ты любезнее всего.

Г. Хераскова Часть VII.
Утесненная добродетель.

3) Восторги мыслей и забава
Трудов не стоит таковых;
И многих умирает слава
Гораздо прежде смерти их.

Его же Часть VII. К музам

4) Не перлы персские на вас
И не бразильски звезды ясны,
Для возлюбивших правду глас
Лишь добродетели прекрасны. —
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате, —
Сияют добрые дела.

Часть 1-я. Вельможа.

5) Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами.

Там же.

6) Оставя скиптр свой и чертог,
Быв странником в пыли и поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе. —
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле

И не на царском бы престоле
Была великою женой.

Там же.

Общежительные оды могут быть различного содержания: веселые, роскошные, задумчивые и печальные. — В них стихотворец, роскошствуя в лоне удовольствий, воспевает младость, радость, пиры, игры и смехи, как Анакреон; или, утопая в пучине горести, оплакивает, как Юнг, потерю своих родных и прочее. Гораций умел совмещать в них стоическую философию Зенона с приятностию земных наслаждений Эпикура, чем и приобрел себе как от своих единовременников, так и от потомков бессмертную славу. — Столь-то средина, как стезя премудрости, всегда и всем нравится! Вот примеры:

Веселой.

1) Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
Тот льдом, те искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Часть 1. Приглашение к обеду.

Задумчивой.

2) Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Там же.

3) Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравьи и в спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

Там же.

4) Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Часть 1-я. К первому соседу.

5) Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать.

Там же.

Роскошной.

6) Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

Там же.

Печальной.

7) Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает!
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет.

Глядит на всех, — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвее косы.

Часть 1. На смерть кн. Мещерского.

8) Бессмертная прямая слава
Есть цепь цветущих вечно благ. —
Что ж хвалишься во злобе, сильный
Внутрь беззаконием и вне,
Коль ты чрез слезы крокодильны,
Чрез токи крови на войне,
Чрез вероломствы, бунты, яды,
Чрез святотатну неба честь
Поверг престолы, храмы, грады
И мог царей всех выше сесть?

9) Возьмем же в противоположность
Тирану доброго царя,
Всю истощившего возможность,
Блаженство подданных творя:
Не зрим ли гения в нем неба,
Блестяща радуги лучом,
В том — мрачна демона Эреба?
Тот сыплет свет, — сей вержет гром.

Часть V. Из оды Слава.

Касательно *размыслительной* оды, Зюльцером и Гецелем упоминаемой, то она есть та же самая, что и философическая, или моральная; но поелику сии эстетики ничего не говорят о духовной,

всеми филологами принимаемой, то и нужно кажется допустить в нее не токмо философические, но и богословские мысли. — В таковых владычествует более всего дух и ум, нежели воображение и чувствы; а потому картины в них редки или совсем не вместны. Они наполняются паче глубокомыслием, или отвлеченными понятиями. Перлы их суть краткие изречении разума и истины: я есмь, есть и ты. — Душа их — нравоучение, выразительно, приятно, а иногда и забавно сказанное, как говорит Гораций, неподражаемый в сем роде искусник:

Впрок вин не запасай драгих,
Обрезывай крыле надежды
По краткости ты дней твоих.

Вот примеры размыслительных, од, из строгих нравоучительных од:

1) А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?

Часть 1. Вельможа.

2) Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочешь ослеплять?
Доколе, истукан прелестной,
Мы станем жертвой, нам бесчестной,
Твой тщетной почитать олтарь?
Доколе будем строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

3) Без брани хищной и насильной
Не можно разве устроять?
Не можно божеству земному
Без ударяющего грому
Своим величеством блистать?

4) Вам будет царь в нем несравненный,
Правдивой, кротостью почтенный,
Достойный олтаря во век;
Тогда страшилище Евфрата
Против венчанного Сократа
Последней будет человек.

Ода на счастие г. Руссо,
перевод г. Ломоносова.

5) Доколь владычество и славу,
Коварство! будешь присвоять;
Весы, кадило, меч, державу
В руках злодейских обращать?
Доколь ловитвой ухищренной
Ярем накладывать вселенной
Тебе чрез наглость и чрез лесть?
За святотатственны обманы
Доколе стяжут власть тираны,
Кумиры — божескую честь?

6) Когда смеешься ты, — сирена;
Когда ты плачешь, — крокодил;
Когда молчишь, — тогда геенна
Кипит в тебе всех адских сил.

7) Не трон, — но духа благородство
Дает велики имена.

Часть 1. Ода на коварство.

Фантазтическая ода описывает природу. — Ее достоинство — живость и блестящие картины. — Вот примеры:

1) На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал.

Часть 1. Ода Видение мурзы.

2) Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

3) Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, долы злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

4) Ты чист, — и восхищаешь взоры,
Ты быстр, — и утешаешь слух. —
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух.

Там же. Ода Ключ.

5) Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Там же. Ода Водопад.

6) На холме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,

Под кровом тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит;
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Там же. Ода Соловей.

Чувственная ода изливает нежные, трогательные чувствы. — Вот примеры:

1) Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей как заря порфира,
Как солнце тихих дней венец;
О, мыслей наших рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможно ль при твоей державе
В Европе страшну зреть войну?

Ода 15 г. Ломоносова.

2) Не бряцай, печальна лира,
Громкой песни ты сей нас,
Благодетельница мира
Удалилася от нас.
Муз богиня удалилась,
Из Петрополя сокрылась
Матерь от своих детей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно
Укатилося за ней.

Часть I-я.
Ода на отсутствие имп.
Екатерины II-я в Белоруссию.

3) Стран чуждых хвально знать искусство
И их любя благотворить;
Но росса сердце, сына чувство,
Отец! чем можешь заменить?

Часть II-я.
Глас Санктпетербургского общества.

4) Уж двадцать лет, как украшаешь
Ты росска трона вышину;
Уж двадцать лет изображаешь
Щедроту, кротость, тишину. —
Кто зрел лице твое сурово?
Кому рекла обидно слово?
Виною чьих была ты слез?
Во храме ль ты, — благочестива;
В чертогах ли, — ласкоречива;
Твой светлый взгляд — есть взгляд небес.

Часть V. На отъезд имп. Елисаветы Алексеевны.

Перекличную, или амбеическую оду, в которой поэт, представляя два лица, заставляет их перекликаться, спорить или говорить между собою, вводит г-н Гецель, ссылаясь на евреев, что у них

таковые были в употреблении, показав их в псалмах 15, 24 и 46-м, а по русской Псалтири в 14, 23 и 45. Песни Песней Соломоновых показывают таковые же перекличные оды. Стихиры греческой церкви, передаваемые с крылоса на крылос, то же. У Горация — в книге III под числом IX «К Лиде»; у индейского брамина шри Бгарота Чондро Рай — в книге Бидде Шундор (Красота учености); у господина Дмитриева — в 1-й части «Ермак»; у меня — в III части «Пьяной и трезвой философы». — Но оставим новейшие, покажем для любопытства в отрывках переводов древних восточных лириков.

В кафисме 2-й в 14-м псалме.

(Одно лице вопрошает:) Господи, кто обитает в жилище твоем? или кто вселится в святую гору твою?

(Другое лице ответствует): Ходяй непорочен, и делаяй правду, глаголяй истину в сердце своем.

В кафисме 3-й в 23-м псалме.

Вопрос: Кто взыдет на гору господню? или кто станет на месте святом его?

Ответ: Неповинен руками и чист сердцем. . .

Вопрос: Кто есть царь славы?

Ответ: Господь сил, той есть царь славы.

В Песнях Песней.

Суламита

Скажи, о друг души моей!
Под коей миртой ты витаешь?
Какой забавит соловей?
Где кедр, под коим почиваешь?

Соломон

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, овечек
Гони ты стада твоего
На двор, что в роще между речек.[1]

Из индейского брамина шри Бгарот Чондро Рая.*

Князь

Дщерь сына времени я вижу
Или богиню красоты?
Какая прелесть несравненна
Видна во всех ее чертах!
Лице — цветов весны нежнее,
А взор — как луч блестящих звезд.
Счастлив, тебя кто часто видит;
Счастлив, кто близь тебя живет; —
Богов счастливее тот будет,
Тобою будет кто любим.

---

* Перевод сообщил г-н Лебедев, переводчик Иностранной коллегии, живший в Индии 14 лет, искусный в шамскрито-бенгальском индейском языке.

Смотря на прелести небесны,
Мужчины млеют пред тобой. —
В восторг приводит несказанный
Единый взор твоих очей.
Трепещут жилы, сердце бьется
От прикасания руки. —
Как камню твердому быть должно,
Тебя чтоб видя, не любить.

Княжна

Как кокос (норель) средь дерев индийских,
Так ты среди других мужчин. —
Твой стан и вид твой благородный
Являет выступь белого слона;*
Как лев пред прочими зверями,
Так пред людьми отличен ты.

Князь

Когда я взор твой ни встречаю,
Вся кровь волнуется во мне;
Себя и все позабываю,
Когда твой слышу разговор. —
С тобой в восторгах утопаю,
Тоскую, мучусь без тебя.

Княжна

Я с равнодушием смотрела
Всегда доселе на мужчин.
Любовной страсти я не знала,
Когда не видела тебя. —
С тех пор совсем переменилась,
Сама не знаю от чего, —
И чувства сделались живее,
И в жилах горячее кровь,
И грудь вздымается скорее, —
Я чувствую к тебе любовь.[2]

Из Ермака.

Старец

Шуми, Иртыш! реви ты с нами
И вторь плачевным голосам!
Навек отвержены богами!
О, горе нам!

Младый

О, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!

Старец

О ты, которыя венец
Поддерживали три народа,**
Гремевши мира по конец!

---

* Индийское выражение для означения предмета величественного или прекрасного.

** Татары, остяки и вогуличи.

О, сильна древняя держава!
О, матерь нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен.

Младый

Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах,
И сам Кучум,* гроза вселенны,
Твой царь погиб в чужих песках.

Ода *смешенная* — та же самая и общежительная, о коей говорено выше. — Поелику же оба вышеименованные противусмысленные филологи ее допускают, то, кажется, и все разделы прочих едва ли не напрасны потому, что в ней одной стихотворец может говорить обо всем. — Похваляя героя, прославлять бога; описывая природу, проповедывать нравоучение и проч. Разность предметов производит разнообразие и рождает изобилие, оказывает остроту ума как молнию, от одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся, что возбуждает удивление; но только тут весьма нужно здравомыслие, или логика. Поелику ж в таковых смешенных одах удобно помещаются похвалы иносказательные и намеками, которые, подобно тонкому благоуханию или тихой гармонии, издалече со стороны приносимыя, увеселяют более сердца чувствительные и благородные, нежели близкое и грубое громогласие, или густый фимиама дым, прямо в лице куримый, то они и нравятся лучше людям, вкус имеющим. Внезапное же совокупление всех далеких и близких лучей, или околичностей, к одной точке есть верх искусства. Оно-то, потрясая душу, называется изящным или высоким. — Вот примеры:

Аллегории, или иносказания.

1) Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее, совет.

Часть 1-я. Ода XII-я.[3]

2) Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать, —
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Там же, ода XX.[4]

* Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими.

Отверницы,[5] обиняки или намеки.

Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Часть 1. Ода Фелице.

Всяк думает, что я Чупятов
В марокккских лентах и звездах.

Там же, ода Вельможа.

Внезапное совокупление околичностей.

По следам Анакреона
Я хотел воспеть харит —
Феб во гневе с Геликона
Мне предстал и говорит:
«Как! и ты уже небесных
Дев желаешь воспевать? —
Столько прелестей бессмертных
Хочет смертный описать!
Но бывал ли на высоком
Ты Олимпе у богов?
Обнимал ли бренным оком
Ты веселье их пиров?
Видел ли харит пред ними,
Как под звук приятных лир
Плясками они своими
Восхищают горний мир;
Как с протяжным тихим тоном
Важно павами плывут;
Как с веселым быстрым звоном
Голубками воздух вьют;
Как вокруг они спокойно
Величавый мещут взгляд;
Как их все движенья стройно
Взору, сердцу говорят?
Как хитоны их эфирны,
Льну подобные власы,
Очи светлые, сафирны
Помрачают всех красы?
Как богини всем собором
Признают: им равных нет —
И Минерва важным взором
Улыбается им вслед?
Словом: видел ли картины,
Непостижные уму?» —
«Видел внук Екатерины», —
Я ответствовал ему.
Бог Парнаса усмехнулся,
Дав мне лиру, отлетел, —
Я струнам ее коснулся
И младых харит воспел.

Часть III. Ода V. Хариты.

Словом, ежели похвалы, под аллегорическими именами наполненные разнообразием, в общежительных одах бывают не отвра-

тительны не токмо героям, которым они воспеты, но нравятся и посторонним людям по своим приятным околичностям, то, кажется, уже излишны образцы, господами учеными преподаваемые. Они те песни называют: [6]

Генетлиатическою [7] — или на день рождения.

Эпиталамическою — на брачное сочетание.

Апобатерическою — на отъезд в путь.

Эпибатерическою — на возвращение из пути.

Пропемтическою — доброжелательною при проводах.

Синхаристическою — поздравительною[a] возвратившимся в отечество.

Эпиникическою — торжественною.

Сотерическою — на выздоровление.

Эпидиктическою — панегирическою, т. е. похвальною.

Эвхаристическою — благодарственною.

Эоническою — вековою.

Схолостическою, или симпосиастическою, т. е. пир описывающею.

Просевтическою — просительною у бога, у государя или вельмож.

Апологическою — басельною.

О которых о всех находится достаточное изъяснение у г-на Тредьяковского в Способе к сложению стихов, им выданном в 1735 году.[8] Но я скажу: ежели названии не придают вещам уважения без прямых достоинств, то должно со мною согласиться, что таковые разделении не что иное, как школярный вздор, который напрасно только отягощает память юношества. — Установя оду на путешествие, на возвращение, можно уже и на все действии человеческие, — на сидение, на лежание. Вот нелепица! — Но когда раздел непременно нужен, то можно бы оный установить не по содержаниям вещей в песнях, но по свойствам или именам славных песнопевцев, для того что не токмо стихотворство, но и другие художества суть слепок творческого духа с природы, или подражание оной; но у всякого гения есть своя собственность, или печать его дара, которым он от других отличается. — Мишель Анжелло узнал по одной черте кисти Рафаела. — Всякой в поэзии знаток по могуществу, перелагающему горы в сердца людские, познает вперенного святым духом Давида; по историческим околичностям и извивистым оборотам, стремящимся быстро из мысли в мысль к одному прославляемому подвижнику, — чудесного Пиндара; по глубокомыслию, соединенному с приятностию роскоши и любомудрия в кратких и тонких изречениях, — неподражаемого Горация; по сильному и быстропробегающему пламеню, которое, как молния, пробегая сердце, поражает и мертвит, — несчастновлюбленную, нежную Сафу; по чувственному удовольствию, неге и забавам — сладостного Анакреона; по мрачному описанию природы, кровавым битвам, теням героев, в облаках

---

[a] *Далее вписано* на, *однако следующее слово не исправлено.*

летающим, и по унынию, от слепоты и старости происходящему, — трогательного Оссияна. — Всякой, говорю, искусстник узнает в живописи Рафаела и Корреджия по изобильному воображению, простоте и благородству в фигурах и особливо первого по правильному рисунку, а второго по прелестному колориту; по легкости и плавности кисти, нежности в лицах и значительности характеров — Гвидореня; [9] по изобилию в мыслях и живости в выражениях — Рубенса; по смелости и силе — Аннибала Караччи; по живому воображению, богатству и свежести в колоритах, наипаче женских лиц — Павла Веронеза и проч. — Музыкантов: по силе, благородству, привлекательности, чудному везде, ясному и всем вразумительному согласию — Палестрино; по благородству, высокости и соединенной богатой гармонии — Лео; по простоте и нежности, прямо идущей к сердцу, — Порпори; по силе и богатству — Александра Скарлато; по живому и веселому воображению — Анфосия; по чувствительности и глубокой меланхолии — Парголезия. Таким образом распознаются зодчие и ваятели по их характерам, привычкам и вкусам, — то для чего бы, кажется, не различить и не распределить и лирических поэм по именам их славных мастеров, не говоря о их содержаниях или не ограничивая их, о чем бы они ни были? — Например, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать героической, или похвальной оды — *пиндарическою*? философической, или размыслительной — *горацианскою*? страстной, или пламенно-любовной — *сафическою*? роскошной или веселошутливой — *анакреонтическою*? меланхолической или военноунылой — *оссиянскою*? — применяясь к почерку, или вкусу их, как выше они написаны. Ломоносов более отменен частыми радостными, почти одинакими восторгами, величественными картинами и благозвучием, нежели беспрерывным парением и глубокими мыслями.[10]

Состав, форму, или наружный распорядок од еврейских можно видеть в Псалтире, на немецкой язык переведенной славным Мендельсоном, напечатанной 1783 года в Берлине. — Греческие же, до нас дошедшие пиндарические оды заключаются в трех отделениях, которые называются: 1-я — строфою, 2-я — антистрофою, 3-я — эподом или хором. За предшествовавшею строфою последовала антистрофа, а за нею уже эпод. Потом в таковом же порядке они вновь начинались, переменялись и продолжались. Песнопение сих куплетов в роде и числе разнообразных стихов оживлялось пляскою. Танцовщики во время пения строфы обращались и вертелись в одну сторону, во время антистрофы — в другую; во время же эпода, который был весьма краток, стоя на одном месте, ни туды ни сюды не двигаясь, только покачивались или приплясывали, — не знаю я, отсюда ли взял покойный князь Потемкин-Таврический при торжестве его о взятии Измаила пляску, учрежденную им из кадрили 24-х знаменитейших особ, которая под музыкою и пением хоров, для того случая нарочно сочиненных, переменяя контроданс с польским, приводили в восхищение зрителей. — Вот пример формы пиндарической оды:

Строфа.

Полунощи царица,
Народов многих мать!
Владычия пространству
Душа твоя равна.
Ты черплешь дары с неба;
Мы черплем от тебя.
Ты трону честь Петрову,
Нам счастие и жизнь.

Антистрофа.

О, Павел и Мария,
Утехи наших дум!
О, орле и орлица,
Родившие птенцов,
Имущих воспарити
Превыше облаков!
Уже в броне и шлеме
Играет Александр.

Эподос.

Как благовонный израстает
На поле цветоносном крин,
Подобной красотой блистает
Во колыбели Константин.
Богинины растите внуки,
И хвал ее продлите звуки.
Как кедр Петров умножься дом
И богати весь свет плодом!

Часть 1-я Соч. г. Петрова
петой в доме его на Островках.

Присовокупляю здесь для любопытных знать древних музыку, или мелодию, одной Пиндаровой оды и гимна ко Немезисе.[6]

Подобные пиндарические формы можно видеть и еще у г. Петрова; а также и у меня II-й части Ода XXI, LXXVI,[11] в IV-й части — в Описании праздника князя Потемкина-Таврического,[12] в V-й — на освящение Казанския церкви.[13] — Таковым составом и все были писаны оды Пиндаром, и большая часть Софокловых драматических хоров; но Алцей, Сафо и другие лирики, до Пиндара жившие, имели всякой собственные, в которых они разные роды стихов, мер и падений размещали по своему благоизобретению. — Не случилось мне, однако, видеть Алцеевых, и уцелели ли они от времени, не знаю; а сафической вот пример:

Счастлив! и в счастии богам тот равен,
Сидит напротив и внемлет кто уст
Сладчайших твой глас и милую очес
Улыбку к себе.

Гораций в разностишных своих одах едва ли не все собрал греческие формы и показал им образцы, которым при конце сего рассуждения приложена таблица трудов А. Котельницкого.

---

[6] Здесь оставить довольное пространство для нот (*на полях после этой фразы. — В. З.*).

В Германии, в новейшие времена, Клопшток первый ему в том последовал, а после его и многих уже видим немецких стихотворцев, пишуших свои оды разнородными формами и разномерными стихами с рифмами и без рифм, каковы и у нас ныне появляются. Тредьяковский давно уже о них говорил в Способе своем о сложении российских стихов, изданном им в 1735 году. — Там он показал многие примеры не токмо разномерных стихов,[14] но и разносчетных куплетов, сказав, что будто не бывает более десятистрочных;[15] но, напротив, в Пиндаре видим не токмо в строфах и антистрофах, но и в некоторых эподах более, нежели по 14-ти стихов. Клопштокову оду для примера прилагаю.[в]

Поелику ж египтяне, евреи, индейцы, персы и прочие восточные народы не могут не почесться древнейшими греков и латинян, от коих в средние века, как многие писатели уверяют, на западе барды, а на севере скальды принесли образцы песен к цельтам, германам, англосаксам, исландам, каледонянам и скандинавам, то и скажу я нечто для любопытных о формах индейских браминов, аравлян, персов, грузин и скандинавских скальдов.

У индейцев стихи на шамскрито-индейском языке бывают разностопные. — От одной стопы простираются иногда и до 15-ти, но более шестистопные. — Вот пример оных, взятый из их вышеупомянутого стихотворца мага шри Бгарота Чондро Рай, переведенный на русской язык г-м надворным советником Лебедевым:

Престань алкать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами,
Учись вкушать плоды от собственных трудов, —
Вот средства погасить желанья похотливы. . .
Что жизнь твоя? Она есть капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке. . .[17]

Г-н Лебедев, ссылаясь на 200 страницу грамматики Натанайла Брассея Галгета, показывает примеры индейских стихов из книги Бидде-Шундор (Красота учености). Основывая весь их состав на пересечениях или расстановках (цезурах), ознаменованных знаками: (⦚, ⦚⦚) и точками (:), которые имеют особые названии, как-то: *есс-дарьи*, *тотом-чондо*, *дди поди*, или *дуй поди* и прочие, по коим они приспособлены к музыке и, отличая в пении одним, двумя и тремя щелчками перстов, сопровождаются разными инструментами, как-то: гобоями, или дудками, гудками, балалайками, железными треугольниками и раковинами, из коих последние почитаются божественным инструментом. — При таковых оркестрах в богомольных домах народные певцы, налагая себе на ноги железные цепи и положа на плечи один другого руки, переходят из стороны в сторону, производя звуком, голосами и инструментами страшный шум, подобный буре.[18]

Арабские и персидские лирические произведения, с небольшою между собою разницею, называемые *газель*, *кита* и *касыде*, не упо-

---

[в] *На поле пометка рукой Державина*: Тут на 102 строки оставить место.[16]

миная эпических, именуемых *месцеви*, пишутся: *газели* пятью, шестью и девятью стихами, в коих в начальных двуполустишиях рифмы, а в прочих не бывает, только в последнем слоге. — *Кита*, или двустишная песня, в коей также только в первых двухстишиях рифма наблюдается. — *Касыде*, или похвальный гимн богу и знаменитым людям, пишется продолговатыми стихами. — Из коих в *газеле* и в *ките* всякой стих имеет особой свой смысл, не имея никакой с прочими связи, а в *касыде* связывается смысл одного стиха с другим. — Все они бывают четырехстопные, трехстопные и двухстопные, из коих длинные составляются из пяти и из четырех слогов, а короткие из двух слогов. — Пример самой длинной стопы:

Моретифилатун,

самой короткой:

Феул.

А из сего видно, что счет слогов, а не тоническое ударение составляет их стихосложение.[19]

Грузинских форма некоторых стихов отличается от всех вышеписанных частыми рифмами; ибо у них бывают не токмо такие стихи, которые в каждой строке на конце имеют рифму, но и такие, в которых помещаются в каждой строке по четыре рифмы, например:

Тамар цкнари, шесацинари, хмарнари, пирмцинари,
Мзе-мциннари, сачинари, цкалимкнари, момдинари.

Бывают и двадцатисложные с четырьмя и с двумя сряду рифмами.[20]

Что ж касается до скандинавской поэзии, то скальды, по образцам их Эдды,* составляли свои песни удивительно и почти непонятно.[21] — Они ставили себе за особенную честь и славу быть в коротких словах многозначительными, а необыкновенными переставками слов не токмо для простого народа, но и для разумеющих читать, хотя они смысл слов и понимали, непостижимыми, или таинственными, чтоб никто к ним подделаться не мог, полагая верх своего в том искусства. — Не распространяясь, впрочем, как сюды о непринадлежащем, богатстве их языка, силе, разнообразии, извитиях, красотах и блесках выражений и о неисчислимом множестве благозвучных слов и рифм, приятностию своею увеселяющих ухо, скажу об одном составе песен. — Они составляют их между слогов трех и девяти, в каковых сильнее жар изливается. — Бывают четырехстопные и пятистопные, а иногда и до четырнадцатисложных, или до экзаметров простираются. — Строфы разнообразны и в количестве слогов, и в падениях, между коими иногда для украшения, для избежания единозвучия или для возвышения новым духом содержания бывают хоры, или эподы, повторении, рефрены, или припевы. — Словом, скальды были весьма прилежны и затейливы в изобретении разнородных форм их поэм, коих у них счи-

* Эдда — книга, содержащая в себе скандинавское баснословие.

тается до 136-ти. — В древних не примечается рифм; но у новейших весьма видны. — Главное же основание скандинавской пиитики состоит в трех правилах, которые они строго соблюдают, а именно: 1-е) три одинакие буквы, 2-е) ровной счет слогов, 3-е) краткость и долгота ударений; а также в древнейших оказывается и определенная, прекрасная, весьма утонченная переставка слов, как для сокрытия понятий, так и для благозвучия. — Чрез нее бывает, с одной стороны, в одной строфе два или более смысла, так тесно и искусно между собою переплетенные, что незнатокам Эдды кажется гордиянским узлом, которого они разрешить не в силах; а с другой — от возвращения или повторения сказанного трех букв — такая гармония, которая их пленяла. — Но скажем понятнее: те однозвучные вышесказанные три буквы или слова, начинающиеся с одной и той же буквы, односложные они или неодносложные, должны быть в каждом двустишии так размещены, чтоб в первом стихе было б их непременно по две, а во втором одна; однако бы не сплошь одна за другою следовали, но между другими словами. — Равно и возвратных слогов должно быть в каждом стихе по два одинакого произношения или звука, ежели они только хотя сходственно созвучны; а ежели полной звук издают, то тем гармония совершеннее. — При всем том сия сходственная созвучность терпима только была в первом стихе, а во втором должна быть непременно полный звук издающая. — Из таковых-то переставок слов и букв и распоряжения слогов, как уверяют знатоки северных творений скальдов, выходило таковое очаровательное согласие, загадочная острота мыслей и игривость воображения, что из описания их понять неудобно, а разве несколько из примеров. — Вот они:

Строфа, в которой перепутан и скрыт смысл переставкою слов.

6 2 3 4 5
Laetur fa er Hakon hietur
14 15 16 7
Han vaekir lid bannat
13 11 12 20
Iord kan frelfa furdum
8 1 9
Frid-rofz Kongur ofza
22 18 23 17 25
Sialfur raedr alt och Elfar
19 21 24
Eirn ftillir a-milli
29 30 26 31
Gramur ofgift ad fremri
27 10 28
Gandwikz Iofur landi.

6 2 3 4 5
Facit ille qui Haquinus vocatur
14 15 16 7
Iile populum regit prohibere
13 11 12 20
Patriam poteft defendere provincias
8 1 9
Pacis-rupturae rex infolentiam
22 18 23 17 25
Ipfemet administrat omnia /u/ Gothalbim
19 21 24
Solus regit inter
29 30 26 31
Prex valde-virtuosus /u/ prae aliis
27 10 28
Gandvicum terrae Dominus provinciam.

Перевод по-русски:

Король, называемый Гакон, прогоняя дерзновенного нарушителя мира, возмогает защитить свое отечество; управляя народом, предстоит один многим областям, господствуя всем тем, что лежит между Елфером и между Гандвихом; и он тот есть, которому в добродетелях нет равного.

Строфа, в которой по размещению одинаких букв и обращению их выходит приятная гармония.

Einn buggi ek *S*tod *S*teina
*S*tafn rums atals hrafni
Erad of *T*hegn aa *T*hilium
*T*hraung by ek a mar ranga
*B*um er *B*audvitum *B*etra
*B*rimdyri kna ek Stira
*L*ofa mun that med *L*ofdum
*L*engr enn illt of gengi.

Перевод по-русски:

Один на холме, в корабле я живу, нет никого со мною вольнорожденного. — Это меня очень оскорбляет. — Но как герой в уединении бывает довольнее, чем со спутником худым, то и буду я кормщиком, чтоб долее помнили меня люди.

Строфы, в которых по переставке одних и тех же слов содержится два смысла.

Haki Kraki hoddum broddum
Saerdi naerdi feggi leggi
Veiter neiter Vella pella
Bali stali beittift heittift.

Haki Kraki hamde framde
Geirum eirum gotna slotna
Hreiter neiter hodda brodda
Breidift endift bale stale.

Haki broddum faerdi leggi.
Kraki hoddum naerdi feggi.
Veiter pella bali heittift,
Neiter vella stali beittift.

Haki hamde geirum gotna,
Kraki framde eirum slotna.
Neiter brodda endift stale,
Hreiter hodda brendift bale.

Перевод по-русски:

Гак копием члены поразил,
Крак деньгами ублажил мужа,
Корчмарь с персей содрал шелковую одежду,
Государь блаженный сталь умертвил.

Гак оружие усмирил войною,
Крак корабельщиков купил златом,
Копьеносец пал железом,
Златорасточитель огнем.

Сколько ни трудна скандинавская поэзия, но китайская для меня совсем непонятна относительно форм их песен; ибо образ их письма совсем отличен от прочих известных народов и язык их весь

состоит из слов односложных, выражаемых четырьмя ударами голоса возвышенного, скорого, ровного и сокращенного, из коих возвышенный и ровный состоят в мере долгой (longam), а скорый и сокращенный в краткой (brevem), и стихи их пишутся чоткою и нечоткою букв. Хореическая стопа господствует в писанных чоткою; а в нечоточных примешивается дактилическая. Сие разумеется о стихах правильных; но они большею частию у них суть неправильные или без всякого наблюдения правил, в коих представляются пиитические вымыслы; которые все состоят в мелких строфах, или звеньях, и разделяются на три рода, как приложенной при сем образец показывает:

№ 1. Фу				№ 2ii. Син		№ 3й. Би
вень	ди	вей	бень	джань	сэ	бо
ван	мин	вей	джи	би	си	фын
дзай	бу	вень	бо	ци	сянь	ци
шан	ши	ван	ши	юй	си	лян
у	вень	лин	фань	лу	хо	юй
джад	ван	вын	джеу	джу	си	сюей
юй	джи	бу	джи	и	чуань	ци
тинь	дзян	и	ши	и	си	пан
джеу	вай	чень	бу	ю	ю	уй
суй	ди	си	сянь	фэй	фэй	ель
дзю	дзо	дзай	и	дзюнь	дзюнь	хао
бон	ю	джеу	ши	дзюй	дзы	во
ци	фу	хеу		жу	джун	си
мин	е	вень		це	бу	шеу
вей		ван		жу	кэ	тун
синь		сунь		цо	хуань	хан
ю		дзы		жу	си	ци
джеу		вень		джо	син	сюй
бу		вань		жу	е	ци
сянь		сунь		лю		сюй
		дзы				дзи
						дзи
						джи
						дзей
						би
						е

Стих под № 1-м, называемый *фу*, описывает какое-либо важное происшествие и что-либо нравоучительное; под № 2-м, именуемый *син*, — что-либо уподобительное, а под № 3-м, именующийся *би*, — что-либо аллегорическое или иносказательное. Вот примеры на русском языке, мне сообщенные от господ переводчиков Иностранной коллегии Каменского и Липовцова, бывших для изучения китайского языка по нескольку лет в Пекине.[22]

№ 1-й. Фу.

«Вень Ван * сокрылся от взоров наших: бессмертная душа его преселилась в небесные обители. Там, о! неизреченное торжество добродетели! там в полном блеске велелепия соприсутствует царю царей. — Торжествуй, древностию и славою знаменитый дом Джеуский! ** Высокие добродетели Вень Вана вознесли тебя на верх величия, поставили на чреду управляти вселенною. Вот сила добродетели! Вот награда небесного царя! О добродетель! ты да будешь единственным достоянием Джеуского дома; а присутствующая на небе душа Вень Вана не престанет пещися о ниспослании на оный благословения от царя небесного.

О Вень Ван! величие дел твоих, твое неутомимое мужество на поприще добродетелей проявляют высокость твоего духа. Вселенная громко проповедует имя твое; Джеуский дом настоящим величием обязан преславным подвигам твоим. Владыка небес, преклоненный твоим благочестием, утвердил потомство твое на престоле преславныя империи и подкрепит оное из рода в род. Мужи, посвятившие себя на служение тебе и наследникам твоим, достойно участвуют в славе твоей, будучи украшены знаменитыми титлами почестей, которые проструться на все их потомство».

№ 2-й. Син.

«Как бамбуевые трости, покрывающие берега Ция, прямотою стеблей и яркою зеленостию листьев, венчающих младые их ветви, представляют картину самую пленительную, — так муж, одаренный высокими качествами, восхищает сердца наши. — Душа его, украшенная истинным просвещением, как слоновая кость, отертая и углаженная под рукою искусного художника, или как драгоценный камень, очищенный от коры и выполированный с неутомимым рачением, разливает блеск свой повсюду. О! как он возвышен и непостижим во всех деяниях своих! Какое непобедимое мужество на пути чести и славы! О, муж несравненный! добродетели твои соделали тебя бессмертным».

№ 3-й. Би.

«Когда восстанет жестокой Борей, *** сопровождаемый холодным дождем и тучами снега, тогда поселянин, ухватив за руки милых сердцу своему, бежит с полей удовольствия и ищет укрыться в местах, могущих защитить их».

---

* Вень Ван — просвещенный царь.

** Джеуский дом был удельное княжество, а сын его сделался уже императором.

*** Здесь под словом Борей означает междоусобные брани, возникшие между васалами и императором; а под именем поселянина — целый народ, подверженный всей лютости войны, производимой честолюбием.

Весьма предосудительно бы было, ежели б, говоря о формах песен иностранных, не сказал я ничего о российских. Г-н Тредьяковский в способе нашего стихосложения на странице 170-й изъясняется, что у идолопоклоннических жрецов наших были стихи без рифм; а односложные почитались общими; хотя он им и не показал примеров, но по найдении их в недавнем времени мы приложили их в образце песни Одиновой и ответах новогородских жрецов, в сем нашем рассуждении уже показанном.[23] — По оным, которые видим в песельниках, о коих мы уже говорили, и по народным песням видно, что стихосложение наше большею частию основывается на пяти родах стихов, как-то 1) *ямбе*, 2) *хорее*, 3) *пиррихии*, 4) *дактиле* и 5) *анапесте*. — *Ямб* состоит из двух слогов, из коих ударяет голос на последнем слоге: *лю̆/бо̄вь*. — *Хорей* также состоит из двух слогов, из коих ударяет голос на первом: *ве̄/рӑ*. — *Пиррихий* состоит из двух кратких слогов, иногда на первой, а иногда на второй ударяющих, от чего стихи не весьма гладки или текущи бывают. — *Дактиль* состоит из трех слогов, которого ударение на первом слоге: *то̄м/ны̆й/я̆*. — *Анапест*, который весьма редко употребляется, противоположен дактилю, имеет ударение на последнем слоге: *чӗ/ло̆/ве̄к*. — Здесь приметить должно, что греки и римляне употребляли *спондей*, который противоположен пиррихию и состоит из двух долгих слогов; но как наш язык долгих совмещать не может и, где сила или ударение бывает,[г] там делается долгой слог, то напрасно некоторые стараются, чтоб чистым греческим падением наши экзаметры писать было можно, который требует на конце спондея.[24] — На сих стопах почиет российская поэзия. — Вот примеры лирические:

Хорей.[д]

Отста	вала	лебедь	бела	я
Как от	стада	лебе	дино	за.

Хорей с дактилем.

У ко	лодезя	у сту	денова
Доброй	мо́лодец	сам ко	ня поил
Кра́сна	де́вица	воду	черпала

Дактиль.

Ярка не	я́рка ба	ран не ба	ран
Ста́ра о	вечка не	я́рино	чка.

Ямб.

Дале́	че ох	дале́	че во	чистом	поле
Не трав	ка не	мурав	ка за	шата	лася.

[г] *В рукописи перед запятой пробел примерно в одно слово.*

[д] *Против всей нижеследующей таблицы размеров на поле рукой Державина*: Сию страницу оставить белою.

Ямб с анапестом.

Не шуми	мати	зелé	на дубро	ва
Не мешай	цвести	лазо	реву цвé	ту.

Анапест.

Ой ты по	люшко по	люшко чи	стое
Ничево	мне ты по	ле не рó	дило
Ох ты ро	дило толь	ко роки	тов куст.[25]

Можно о сем читать и у господина Ломоносова в 1-й части предисловие о пользе книг церковных.[26]

Касательно же мер стихов, количества их в строфах, или куплетах, то они суть в том и в другом различны в песнях лирических. — Сие можно видеть в подробности у господина Тредьяковского в помянутом способе стихосложения на странице 132, 133, 134 и 135. — Но как я не вижу в них такого образца, который мне встретился в одном манускрипте, писанном на русском языке в Китае, с которого список напечатан в 1811 году у господина Шишкова в «Разговоре» его о российской словесности (на стр. 154), который мне показался тем отличным, что с окончательного слова предыдущей строфы начинается вторая, коих слияние производит, как у скальдов, весьма приятную гармонию, то и прилагаю тому пример из того «Разговора», а другой новейшей.

. . .тако Гипенфила
Обманула, хоть Язона и любила.
Поехал Язон, оставил любую;
Но не такую.
Но не такую застал, как мысль была.
И Ариадна мало ли бранила
За то Фисея, что спознался,
Да зле расстался.
Да зле расстался, слезит Ариадна.
Ах мне, коль твоя любовь беспощадна.
Столько неверно меня покидает,
Сам уплывает.
Сам уплывает на быстрые воды и прочая.[e]

Наконец, сюды же относятся *акростиши*, или как у нас в церковных книгах называются, *краеграни* (краестишии), в которых заглавные каждого стиха буквы содержат в себе имя, в честь коего стихи писаны, или какое-нибудь значительное слово, коего поэт открыто для всех сказать не хотел. Примеры тому видим древнейшие в еврейской поэзии, а именно некоторые псалмы Давыдовы акростишными, как-то: 24 — К тебе господи воздвигох; 33 — Благословлю господа; 36 — Не ревнуй лукавствующим; 110 — Исповемся тебе господи; 111 — Блажен муж боящся господа; 118 — Блажени непорочнии; 144 — Вознесу тя боже мой, — потому

---

[e] *Далее в большом пробеле, имеющемся в рукописи на этой странице, вписано Державиным*: Здесь оставить место на 6 куплетов 4 строчных или более.

что в них каждый стих либо полустишие начинается по еврейскому азбучному порядку буквою азбуки.

Но вот пример русского акростиша в честь князя Кутузова:

Когда в виду ты всей вселенны
Наполеона посрамил,
Языки одолел сгущенны,
Защитником полсвета был;
Когда тебе судьбы превечны
Ум дали — троны царств сберечь,
Трофеи заслужить сердечны,
Усилить Александров меч;
Злодеев истребить враждебных,
Обресть бессмертный лавр побед,
В вратах Европы растворенных
Смыть кровью злобы дерзкий след;
Москву освободить попранну,
Отечество спасти от зол,
Лезть дале путь пресечь тирану,
Един основывать престол; —
Не умолчит потомств глагол!
Се мать твоя, Россия, — зри:
Ко гробу руки простирает,
Ожившая тобой, рыдает,
И плачут о тебе цари! [27]

Примечания

[1] Фрагмент из «кантаты» Державина «Соломон и Суламита» (Ч. III, № CIV).

[2] Отрывок из поэмы «Прославление Онноды» бенгальского поэта XVIII в. Бхаротчондро Рая (Бхарат-Чандра Роя) о тайной любви принцессы Бидде и принца Шундора. Отрывки из поэмы и перевод были предоставлены Державину в начале 1815 г. чиновником Азиатского департамента Министерства иностранных дел Г. С. Лебедевым. В этих материалах поэма «славнейшего в Индии пииты шри Бгарот Чондро Рая, инаково именуемого Бгарот Криштьо Чондро», названа «Бидде Шундор» с объяснением: «значит „Учености красота“» (см.: ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 37, л. 65).

[3] Из оды «Фелица».

[4] Из оды «Изображение Фелицы».

[5] Отверница — «простонаречное» обозначение иносказания, обиняка, экивока (см.: Гр. 7.563; Гр. 3.626).

[6] До переделки по совету Евгения этот абзац имел такой вид: «Словом, ежели похвалы, под аллегорическими именами наполненные разнообразием, в общежительных одах не кажутся отвратительными не токмо героям, которым они воспеты, но нравятся и посторонним людям, по своим приятным околичностям, то удивительны мне кажутся те господа ученые, которые каждому случаю, или происшествию, чают особые оды, именуя их. . .» — Под «господами учеными» Державин имеет в виду прежде всего профессора Дерптского университета Г. Ф. фон Гецеля (в ранней редакции полемика была направлена персонально против него, о чем см.: XVIII век. Сб. 15. С. 243), «поэзии учителя» Московской славяно-греко-латинской академии Аполлоса Байбакова (его «Правила пиитические. . .» в 1774—1795 гг. вышли пятью изданиями), «профессора элоквенции российския и латинския» Академии наук В. К. Тредиаковского и др.

[7] Точнее следует: генетлиаческою.

[8] Ошибка Державина. В «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (Спб., 1735) подобной классификации нет. Она была введена Тредиаковским в полностью переработанный текст трактата, опубликованный в ч. 1-й его «Сочинений и переводов» (СПб., 1752).

[9] Гвидореня — т. е. Гвидо Рени.

[10] Следующий за «школярным разделением» абзац Державин пытался переделывать многократно. По-видимому, поначалу набросана карандашом мысль, полемичная по отношению к словам Евгения, что критикуемое Державиным «разделение» — «коренное греческое» (вторая половина текста почти стерлась и связному прочтению пока не поддается): «Хотя выше ‹о› сем разделении и сказано, что греки имели на все случаи оды или песни, но это не значит, чтоб они ‹стали› правилами, а были случайно сочинены. . .»

Потом Державин попытался вписать сходный по мысли текст между строк: «. . .но я скажу, что ежели названии не придают вещам уважения без прямого достоинства, то должно со мною согласиться, что таковое разделение есть более ученое [тщеславие] чванство, нежели прямая надобность. Как выше сказано, что греки имели на многие случаи оды или песни, но это не то, чтоб в них заводить правилы или ‹нрзб.› на всякие происшествии, которые суть бесчисленны. . .» (все зачеркнуто).

Куда-то автор собирался вставить выноску на полях: «Касательно обрядов при пении песен, особенно же застольных, или схолиев, которые хорами, которые поодиночке, с ветвями и без ветвей певались, то однажды пред сим в примечании хотя кратко, но довольно уже сказано» (зачеркнуто; см.: Гр. 7. 581—582).

В последней по времени редакции фраза о Тредиаковском вычеркнута, далее следует: «Но я скажу, что ежели названии не придают вещам уважения без прямого их достоинства, то должно со мною согласиться, что они, то есть те наименовании, или особые отделы песен, более есть умничество, или чванство петагогов в познании их древности, нежели прямая надобность; ибо, говоря в них об одной материи, можно с приличностию помянуть и о другой, о войне и мире, о путешествии и пиршестве и прочая. Под каким названием какие сочинения были, под тем и передались потомству. Форм им или правил для них по многочисленности случаев быть не может».

Видимо, ранее Державин что-то вписывал карандашом и чернилами между строк первоначального текста; эта правка охватывает строки в рукописи до слов «. . .не по содержаниям вещей в песнях. . .»; затем по отдельным строкам горизонтально и вся дополнительная правка вертикально зачеркнута чернилами. От слов же «. . .но по свойствам или именам славных песнопевцев. . .» до конца абзаца зачеркнуто только карандашом вертикально.

[11] Т. е. «Афинейскому витязю» и «Пиндарова олимпическая первая песнь».

[12] Имеются в виду стихи: «Не так ли лира восхищенна. . .»

[13] Точное название — «На освящение храма Казанския богородицы, в С.-Петербурге».

[14] В трактате 1735 г. этого положения нет; наоборот, здесь Тредиаковский категорически отрицал возможность трехсложных стоп в русском стихе. Закономерность употребления дактиля и анапеста, а также «смешанных» («разномерных») стихов — ямбо-анапестических и дактило-хореических — обосновал в 1739 г. Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства», которое стараниями Тредиаковского не увидело света. В переработанном «Способе» 1752 г. Тредиаковский изложил ломоносовские идеи от своего имени, чем и обусловлена ошибка Державина и ряда стиховедов (вплоть до настоящего времени), которые приписывают введение трехсложных и «разномерных» размеров Тредиаковскому.

[15] Этому посвящена глава V переработанного трактата Тредиаковского 1752 г.; в издании «Способа» 1735 г. об этом речи нет.

[16] В ГПБ (ф. 247, № 4, л. 268—271) хранится писарская копия с поправками Державина перевода оды Клопштока 1758 г. «Присутствие божие», сделанного «разномерными» (смешанными) стопами:

С смертью боролся когда,
С смертию ты,
Крепчае молился того,
Как твой пот, да и кровь
Низливаясь на землю текли. —

Ты в первый тут час
Истину сделал большую известной. —
Истинна будет
Та оболочка, поколь бессмертной души
Есть прах. —
Восстав же ты рек
К почивающим:
Дух ваш бодр; а плоть
Немощна.
Жребий смертности сей,
Тяжесть земную сию
И душа ощущает моя,
К богу, к богу когда
Она бесконечну
Взнесть возжелает. —
Отче! упадши в прах, благоговею, —
Смертного глас, моленье внемли
И душу мою огнем окрести,
Чтобы к тебе она возносилась *и т. д.*

Однако в этом переводе 211 стихов, а не 102, как указано Державиным.

[17] Державин цитирует первое четверостишие и начало четвертого по корректурному оттиску брошюры «Шлоке мога мудгаро» — «Стихи нравоучительные» (ГПБ, ф. 247, № 31, л. 153—156). На четных страницах брошюры размещены параллельно бенгальский текст и его транскрипция русскими литерами, на нечетных — стихотворный перевод; всего здесь 13 четверостиший (строф). Рукопись Лебедева хранится в фонде А. С. Шишкова в ЦГИА (см.: Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 128).

[18] Здесь использованы «выписка» Г. С. Лебедева «Стиха, или стихов, стопы у индийцов. . .» (датирована 21 марта 1815 г.) и более подробная справка «О стихосложении индийцов», а также сведения из записки, озаглавленной «Имена отличнейших индийских песнопевцов, той света страны, где еще находятся следы древней мудрости и добродетелей» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 37, л. 58—68). «Грамматика <. . .> Галгета» — *Halhed N. B.* A Grammar of the Bengal Language. Hoogly, 1778.

[19] Выписка об арабском и персидском стихосложении хранится в бумагах Державина (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 37, л. 57); ряд заметок сделан им при чтении «Корифея» Галинковского и других источников (см.: ГПБ, ф. 247, № 5, л. 46, 195 и др.).

[20] Державин лапидарно изложил подробную справку «Роды стихов на грузинском языке» (ГПБ, ф. 247, № 39, л. 131—132), где охарактеризованы пять «родов» стиха. «Первый род, самый древний и употребительный пред прочими, называется „шаири“. Он состоит из четырех строк, имеющих в конце одинаковую рифму. Такой род стихотворения употребил древний грузинский пиит Руставел в сочинении весьма пространной поэмы, названной „Вепхистхаосани“, из которой взяты мною следующие четыре стиха (приведены стихи на грузинском языке в русской транскрипции с подстрочным переводом. — *В. З.*). Второй род также состоит из четырех стихов, имеющих в каждой строке четыре одинакие рифмы, и называется „чахрухаули“ от имени Чахрухадзе, древнего изобретателя такого стихотворения, равно и сочинителя поэмы, именуемой „Тамариани“. В пример два стиха, взятые из оной поэмы (приведены стихи, процитированные в тексте „Рассуждения“. — *В. З.*).

Перевод сих стихов:

Тамар кроткая, приятная, сладкогласная, осклабноличная,
Как солнце блистательная, важная, тиховодная, реке полной
подобная.

Третий род, называемый „пистикаури“, в котором каждая строка состоит из двадцати слогов; иногда поставляются две рифмы сряду, а иногда четыре <. . .> Четвертый род, называемый „таепи“, состоит из одной строки

и употребляется в дружеских разговорах <. . .> Пятый род, составленный мною с подражанием стихосложению, во французских песнях употребляемому. . .»

[21] В бумагах Державина есть ряд выписок о скандинавских скальдах (см., например: ГПБ, ф. 247, № 5, л. 188).

[22] Здесь в переработанном виде использована соответствующая часть составленного Павлом Каменским и Степаном Липовцовым «Примечания» о китайских поэтах и стихосложении (ГПБ, ф. 247, № 5, л. 203—206).

[23] Эти образцы «рунной» поэзии включены в текст 2-й части (см.: Гр. 7. 585—587), однако с оговорками, свидетельствующими о сомнениях Державина в их подлинности (того же мнения придерживался и Евгений). Собираясь ввести в отдельное издание «Рассуждения» полный текст этих «памятников», Державин подчеркивал, что сделает это не под своим именем, а от имени владельца рукописей — А. И. Сулакадзева (см.: Гр. 6. 339). Сомнения были оправданными, так как оказалось, что «рунические рукописи на пергамине» были подделками Сулакадзева. На «Способ» Тредиаковского Державин указывает ошибочно, ибо имеет в виду он примечание из «Мнения о начале поэзии»: «. . .вероятно по всему, что и наши поганскии жрецы были первыми у нас стихотворцами. И хотя нет ни одного оставшегося у нас образчика языческия нашея поэзии, однако видно и ныне по мужицким песням, что древнейшие стихи наши, бывшие в употреблении у жрецов наших, состояли стопами, были без рифм и имели тоническое количество слогов, да и односложные слова почитались по вольности общими» (*Тредиаковский В. К.* Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 194).

[24] Имеется в виду полемика о гекзаметрах, первоначально развернувшаяся в «Беседе», а затем вышедшая за ее пределы. Сторонниками гекзаметра были Н. И. Гнедич, С. С. Уваров, А. Х. Востоков, А. Ф. Воейков и др., причем в пылу полемики обосновывалась не только ударность служебных слов (например, союзов «но», «и» и т. п.), но и наличие якобы двух ударений в словах типа «бездна», «взмахнул», «привет», «вступил» и др. и даже трех — «пре́дво́звеща́ет». В. В. Капнист же доказывал искусственность для русского языка «правильных» гекзаметров, в которых, согласно правилам, шестая стопа обязательно должна быть спондеем. В начале полемики Державин занял нейтральную позицию, ответив Капнисту: «. . .не метры те или другие дают славу истинную поэтам, а гений, их одушевляющий» (Гр. 6. 279), однако позднее, в связи с надуманными доводами сторонников гекзаметра, решил высказаться определенно.

[25] В приводимой Державиным системе метров нет амфибрахия, потому что Державин здесь идет за Тредиаковским, а Тредиаковский заимствовал систему у Ломоносова (без указания авторства). Ломоносов же не ввел амфибрахий в связи с концепцией эмоционально-выразительных свойств «восходящих» и «нисходящих» стоп, куда этот метр не умещался. В систему русской силлабо-тоники амфибрахий был введен Сумароковым, однако Державин, по-видимому, не обратил внимания на его статью «О стопосложении», хотя сочинения Сумарокова читал внимательно. На практике же Державин обращался к амфибрахию около десяти раз — чаще, чем кто-либо из его современников (кроме Сумарокова).

[26] Очевидная ошибка памяти Державина: в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» дано филологическое обоснование теории трех «штилей»; о метрах и размерах речь идет в ломоносовском «Письме о правилах российского стихотворства».

[27] Опубликовано: *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 358.